

## РЕЦЕНЗИИ

**Американский образ Кормчего,  
или Кто же он — мистер Сталин***А. Ю. Дворниченко*

**Для цитирования:** Дворниченко А. Ю. Американский образ Кормчего, или Кто же он — мистер Сталин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 233–246. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.116>

Статья является рецензией на книгу американского историка Джима Кертиса (*Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. A New Interpretation of Russian Politics. New York, 2020*). В XX в. постижение российской истории было делом двух противоборствующих историографий: американской и советской; но в области изучения сталинизма американские историки явно опережали советских, хотя ситуация в американской науке была непростой, в ней боролись «тоталитаристы» и «ревизионисты». Дж. Кертис ставит перед собой цель подняться над схватками, и это ему удается, так как упор он старается сделать не на экономическую и политическую истории как таковые, а на архетип сознания, который можно познать скорее с помощью теории коммуникации, лингвистики и исторической антропологии. Опираясь на эти науки и русскую литературную традицию (от древней до новейшей), историк старается выявить важнейшие черты сталинского сознания, которыми, по его убеждению, в первую очередь являются религиозные мотивы, полученные им еще в семинарии. Это приложение к России представлений о ней, как о некоем монастыре, историк в целом именует монастицизмом. Не все из интересных сюжетов и образов Кертиса убеждают, но в целом такой подход имеет право на существование. При этом возникает сомнение, насколько литература может отражать историю той или иной страны? Не очень убедителен Кертис и когда сравнивает Сталина с другими деятелями российской и мировой истории, а также когда сравнивает Россию и Америку. Попытки такого рассмотрения скорее порождают вопрос, а что можно сравнивать в истории этих двух государств? Так или иначе, надо быть очень осторожным в сравнении таких феноменов, как рабство, политический строй, фронт, про-

---

*Андрей Юрьевич Дворниченко* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; [a.dvornichenko@spbu.ru](mailto:a.dvornichenko@spbu.ru)

*Andrey Yu. Dvornichenko* — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; [a.dvornichenko@spbu.ru](mailto:a.dvornichenko@spbu.ru)

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

тестантская этика. А главное — достаточно ли той модели архетипа сталинского сознания, которую постарался воссоздать историк, для понимания культа его личности?  
*Ключевые слова:* Джим Кертис, американская историография, Сталин, монастицизм, литература, отражение реальности.

## The American Image of the Helmsman or Who Mister Stalin Is

A. Yu. Dvornichenko

**For citation:** Dvornichenko A. Yu. The American Image of the Helmsman or Who Mister Stalin Is. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 1, pp. 233–246. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.116> (In Russian)

This article is a response to the recently written, very interesting and innovative, book, by an American historian Jim Curtis. During 20<sup>th</sup> century, the study of the Russian history was conducted in the opposing to each other American and Soviet historiographies. However, as far as Stalinism is concerned, American scholars obviously surpassed the Soviet Union as this theme was forbidden in the latter. Curtis aims to rise above all “combats” and to study Stalinism with the help of such disciplines as media theory, linguistics, and anthropology — disciplines that scholars in America as well as in Russia have usually ignored. He also excellently knows the Russian literature. To his opinion, religious notions, particularly “monasticism”, “monastic walls”, relationship between the elder and the junior comprise a certain framework of Stalin’s consciousness. It may be true but it is not enough to explain the phenomenon of the cult of Stalin’s personality. Moreover, it is arguable whether literature could adequately reflect the history of a society, particularly, for the need of historians. We also have to be very careful when comparing the USA and Russia/USSR, because such phenomena as slavery, political system, frontier, Protestant ethics may be different in their foundation. It is also very hard to compare Stalin with many other dictators as despite their seeming similarities, their origins differ. The main merit of this book is a conviction that the Russian history is indivisible, that Soviet and post-Soviet “periods” simply continue the previous history. This approach enables to understand more in the “natural laws” of the Russian history.

*Keywords:* Jim Curtis, American historiography, Stalin, monasticism, literature, reflection of reality.

Данная публикация посвящена книге историка из США Джима Кертиса<sup>1</sup>. Выход в свет этого труда — «Stalin’s Soviet Monastery. A New Interpretation of Russian Politics» (см. рисунок) — не может не радовать: жив за океаном интерес к нашей стране и ее истории, да и тема животрепещущая — Иосиф Сталин.

На современном судьбоносном этапе российской истории грех не вспомнить какие-то общие места. Американскую русистику XX в. иной раз считают более мощной, чем русскую историческую мысль. Должен покаяться, что по молодости полагал с точностью до наоборот: дескать, чтоб хоть как-то понять сложную историю России, надо прожить тут — в самбй стране<sup>2</sup>. Что им там видно — из-за того океана, из американского истеблишмента?! Потом понял: видно так много и угол зрения бывает настолько интересен, что даже перевел книгу американского ученого Д. Кайзера — одну из самых лучших в мировой историографии книг по истории

<sup>1</sup> Curtis J. Stalin’s Soviet Monastery. A New Interpretation of Russian Politics. New York, 2020.

<sup>2</sup> Кстати, Р. Конквест отмечал, что для того, чтобы понять такую историю, нужно не только изучить, но и глубоко прочувствовать ее (*Конквест Р. Большой террор // Нева. 1990. № 12. С. 139*).

русского права<sup>3</sup>. Российскому читателю она просто необходима.

У американской русистики в XX в. были явные преимущества: она не была так зажата цензурой, политической конъюнктурой, общественным мнением и прочими явными и тайными врагами науки, как советская наука. Впрочем, ныне полагаю, что нет смысла считать достижениями, поскольку понять эту историю мы можем только совместными усилиями. И соединение этих усилий — вещь довольно давняя, хоть и не всегда хорошо заметная. Так, историки по достоинству оценили влияние на американцев трудов французских классиков русистики, прежде всего А. Рамбо и А. Леруа-Больё, но как-то не хотят, за редким исключением<sup>4</sup>, видеть влияние наших эмигрантов. А это влияние было очень значительным, и не случайно американские концепции русской средневековой истории несут на себе явную печать (это вполне можно отнести и к немецкой исторической науке)<sup>5</sup> русского дореволюционного наследия.

Вполне можно говорить о творческом сотрудничестве, которое пережило все перипетии холодных и горячих войн XX столетия и, несмотря ни на что, только крепло. Дж. Кертис с большим уважением относится к Петербургу (Ленинграду), что очень приятно. Он пишет о том, что контакты между Вашингтоном и Ленинградом начались уже в 1920-х гг.<sup>6</sup> Объективности ради надо сказать, что и Москва не осталась в стороне: в Московском государственном университете П. А. Зайончковский подготовил целую плеяду американских русистов<sup>7</sup>. Однако в полной мере программа по обмену студентами между СССР и США осуществлялась только Ленинградским университетом<sup>8</sup>. В Ленинграде стажерами занимались блестящие представители петербургской исторической школы: Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин и др. При этом, как тонко подметил Гарри Гамбург, «западные исследователи, в основном молодые студенты, конечно же, обязаны гораздо большим своим россий-



Jim Curtis

## STALIN'S SOVIET MONASTERY

A New Interpretation of Russian Politics

  
PETER LANG

Обложка книги «Stalin's Soviet Monastery.  
A New Interpretation of Russian Politics»

<sup>3</sup> *Кайзер Д.* Рост права в средневековой России. М., 2024.

<sup>4</sup> *Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Г. В. Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

<sup>5</sup> *Дворниченко А. Ю.* Древнерусский политогенез в германской историографии // *Былые годы.* 2014. № 34 (4). С. 487–497.

<sup>6</sup> *Curtis J.* Stalin's Soviet Monastery. A New Interpretation of Russian Politics. P. 11.

<sup>7</sup> П. А. Зайончковский (1904–1983): статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998.

<sup>8</sup> *Крымская А. С.* Американские стажеры в СССР // *Россика и русистика новейшего времени.* СПб., 2010. С. 115.

ским научным руководителям, чем эти руководители обязаны студентам, но в то же время их общение было взаимопользным»<sup>9</sup>.

В чем американцы точно опережали советских историков, так это в изучении сталинизма. Помню, когда мне в начале 1980-х гг. поручили читать курс истории Украины, то о сталинизме сказать было нечего — у советских авторов я не нашел ничего. Хорошо, что мой бывший однокурсник — известный советский диссидент — подарил мне знаменитую теперь у нас книгу Р. Конквеста «Жатва скорби». Это было уже кое-что для подготовки учебного курса. Впрочем, сразу надо отметить, что нынче россияне в значительной степени преодолели это отставание, да так, что теперь «количество публикаций о Сталине и его политике слишком велико. Даже специалисту не стыдно признаться, что он не читал их изрядную часть»<sup>10</sup>. Я не специалист по Сталину — мне признаваться не стыдно...

Не будем анализировать богатую американскую традицию в области изучения Сталина и сталинизма, но напомним, что путь изучения этих феноменов был непрост и извилист, а о накале страстей свидетельствуют хотя бы мемуары великого Ричарда Пайпса<sup>11</sup>. В этих спорах историки разделились на «тоталитаристов»<sup>12</sup> и «ревизионистов»: первые упирали на явленные миру преступления большевиков, в общем-то, не по праву и по случаю захвативших власть в стране и создавших тоталитарное государство, а вторые, основываясь на законах социальной истории, не реабилитируя большевиков и Сталина, тоталитаризм фактически отрицали<sup>13</sup>. Полагаю, что и те и другие смогли уловить существенные черты нашей истории, но наивны, конечно же, оба подхода.

Интересное преломление этот спор получил в постсоветской историографии 1990-х гг., в частности в дискуссии, возникшей на страницах журнала «Российская история», который за последние десятилетия не раз менял свое название, но остается, в отличие, скажем, от «Вопросов истории», одним из лучших наших журналов. Новосибирский историк И. В. Павлова (с 2003 г. проживает в США) обнаружила в ревизионистской историографии определенные стадии. В отличие от традиционалистов — именно в таком обличье выступали первые ревизионисты (ревизионисты нового поколения), имея уже возможность работать в советских архивах, попали под скудное обаяние советских источников, «были буквально захвачены стихией документа»<sup>14</sup>.

---

<sup>9</sup> Гамбург Г. М. Вспоминая Наталью Пирумову: о том, как писалась история в сталинскую и постсталинскую эпоху // Там же. С. 277. Сноска 16. — Впервые опубликовано по-английски: *Gamburg G. M. Remembering Natal'ia Pirumova: On Writing History in the Stalin and Post-Stalin Eras // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2000. No. 1 (3). P. 507–530.*

<sup>10</sup> Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: Биография. М., 2015. С. 11. — Кстати, В. И. Ленину повезло меньше: от предствления о нем времен перестройки как о девочке или грибе он поднялся лишь до «пантократора солнечных пылинок» (определение Л. Данилкина). Тут приоритет западной историографии налицо.

<sup>11</sup> Пайпс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. М., 2005. С. 344–350.

<sup>12</sup> Причем надо было еще отличать два тоталитаризма: досоветский и советский. См.: *Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX века. Американская историография. М., 2008. С. 50.*

<sup>13</sup> Вряд ли стоит утверждать, что они «обеляли» сталинизм. Ср.: Там же. С. 350.

<sup>14</sup> Павлова И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 110, 117.

Это, кстати, самая большая ошибка данных ученых — ведь к источникам советской поры надо относиться крайне осторожно: внешняя и внутренняя цензура, возвращенные самой системой и ее идеологией, делали свое дело. Помню, мой дедушка — коммунист-ленинец во времена брежневского застоя — наставлял меня, что советские газеты можно читать только между строк, но процесс это трудоемкий. Мне-то больше нравился вариант булгаковского профессора Преображенского — и вовсе их не читать, но надо же было где-то брать материал для сочинений и политинформаций, газеты английских коммунистов «Morning Star» явно не хватало, а западные радиостанции глушили весьма умело.

Впрочем, И. В. Павлова нашла и другие слабости в концепции ревизионистов. Примечательно, что автор этих строк (скажу честно, что тогда статьи Павловой я еще не читал) сравнительно недавно уже критиковал одного из столпов ревизионизма — Дж. Гетти — и при прежнем уважении к личности и творчеству этого славного ученого остаюсь при тех же взглядах<sup>15</sup>. Хотя нельзя не согласиться и с И. В. Павловой в том, что историки-ревизионисты бодро и весело взялись за изучение социальной основы сталинизма, и это было положительным явлением<sup>16</sup>. Тем не менее то, что Павлова поддерживала антикоммунизм, — вполне симпатичная интенция: ничего хорошего в этой коммунистической утопии нет, хотя она и имеет корни в нашей (да и не только нашей) общественной мысли.

И. В. Павлова, по моему мнению, была не права в своем релятивизме, который граничит с агностицизмом. Дескать, в 1917 г. ход российской истории настолько разошелся с европейской историей, что для ее описания требуется собственная терминология, а ее нет<sup>17</sup>. Различие между историей России и Запада (и не с 1917 г., а с VI в. нашей эры) таково, что они существуют как будто на разных планетах. Но это же не значит, что мы не можем более или менее понятным языком описать всю удивительную специфику нашей истории так, чтобы это было понятно всем. Ведь иначе историология вряд ли могла бы выйти за пределы ряда западных университетов.

Но вернемся к книге Дж. Кертиса, который искренне хочет разобраться в одной из ключевых и одновременно зловещих проблем российской истории. Не может не импонировать то, что путь к пониманию феномена историк избирает не от революционных перипетий довольно поздней нашей истории, а от чего-то древнего, имманентного: недаром автор изучал в Колумбийском университете (США) древнеславянский язык. Уже много лет он работает в Миссурийском университете. Это хоть и не Лига плюща, но вуз, входящий в Ассоциацию американских университетов. Русская история характеризуется возвращением паттернов, связующих собой прошлое и будущее. Смысл любого явления социально конструируется, и конструируется он из прошлого, утверждает историк<sup>18</sup>, и в этом с ним трудно не согласиться.

---

<sup>15</sup> *Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2018. Vol. 63, issue 2. P. 636–647.*

<sup>16</sup> *Игрицкий Ю. И. Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // Отечественная история. 1999. № 3. С. 122.*

<sup>17</sup> *Павлова И. В. Современные западные историки... С. 113.*

<sup>18</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 25, 209.*

Мы не пойдем ни одного явления русской истории, если не будем обращаться к его историческим корням. И тут Дж. Кертиса ждут прозрения, например, что все эти революционеры, включая Сталина, никакой, собственно, революции и не делали, а восстанавливали прежний порядок. И автор очень удачно сравнивает ситуацию начала XX в. со Смутой начала XVII столетия<sup>19</sup>. Он убедительно пишет о том, что российская революция несопоставима с французской по своему воздействию на историческую традицию<sup>20</sup>. Кертис увлекательно пишет о модернистском искусстве (Кандинском, Малевиче и др.). Я тоже страсть как это все люблю, даже в свое время изучил наследие «Синего всадника» в Ленбаххаусе (Мюнхен). Но почему Кертис считает, что Ленин изъяснялся языком футуристов эпохи, предшествовавшей Первой мировой<sup>21</sup>? А вот мысль о том, что большевики и иже с ними сами создавали образ стихийной революции<sup>22</sup>, можно сказать, очевидная истина. Вполне можно согласиться и с утверждением, что в России так до сих пор и не осмыслили сталинизм, а потому и не повинились в его последствиях<sup>23</sup>. Начавшись всем известным секретным докладом Хрущева, десталинизация так и увязла в мерзко-добродушной эпохе брежневского застоя. Да и в перестройку дальше знаменитого фильма «Покаяние» Т. Е. Абуладзе дело не пошло. Покаянию отнюдь не препятствует то, что сталинизм еще должным образом не осмыслен. На пути преодоления сталинизма как раз необходимы и покаяние, и постижение этого явления.

Автор хочет показать не только связь российских времен, но и сходство Сталина с европейскими политическими фигурами, а заодно и сходство между СССР и США, как «революционными режимами, основанными на рабстве»<sup>24</sup>. На решение таких масштабных задач он вдохновляется (как это видно уже из предисловия) отнюдь не марксовыми и гегелевскими методами, не советскими «базисами» и «надстройками» и даже не историей эсхатологии в духе «Русской идеи» Н. А. Бердяева, а медийными теориями, лингвистикой и антропологией. Он прекрасно знаком с носителями этого знания от Вальтера Онга до Мирчи Элиаде и Клода Леви-Стросса<sup>25</sup>. Авторитетами для него выступают Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, ключевой является классическая работа Дж. Биллингтона, показавшая ему возможность анализа «крупных структур» российской истории<sup>26</sup>.

С помощью русской литературы, которую американский ученый прекрасно знает, он хочет проникнуть в историческое подсознание русского народа, а с помощью блестящей, на мой взгляд, книги Б. С. Илизарова<sup>27</sup>, подробно изучившего

<sup>19</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery*. P. 44.

<sup>20</sup> *Ibid.* P. 110. — Правда, не соглашусь, что это был большевистский переворот, большевики просто подобрали валяющуюся на земле власть. Революции действительно никакой не было, а была очередная Смута.

<sup>21</sup> *Ibid.* P. 59, 60.

<sup>22</sup> *Ibid.* P. 61, 62.

<sup>23</sup> *Ibid.* P. 9.

<sup>24</sup> *Ibid.* P. XV.

<sup>25</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery*. P. 19.

<sup>26</sup> *Billington J. H. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. New York, 1970. — Книга впервые была опубликована в 1966 г., а в 2001 г. был издан русский перевод: *Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. Россия в поисках себя*. М., 2001.

<sup>27</sup> *Илизаров Б. С. Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого*. М., 2015. — Эта книга является переизданием двух книг историка: *Илизаров Б. С.*: 1) *Тайная жизнь Сталина*. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2002; 2) *Почетный академик*

личность Сталина, проникнуть и в подсознание «вождя народов». Дж. Кертис, будучи глубоким исследователем, понимает, что литература, тексты далеко не полностью отражают те или иные процессы, а западные специалисты могут познавать Россию только по текстам<sup>28</sup>. Тут, кстати, возникает некое противоречие: историк не верит в «теорию отражения», в то, что литература может полно и адекватно отразить устройство общества<sup>29</sup>, но в основу своего анализа кладет, прежде всего, литературу.

Полагаю, что сравнение Сталина с другими вождями, а России — с другими государствами оказывается одной из самых слабых сторон книги. Вот автор сравнивает «кормчего» с Николаем II по степени военно-стратегической бездарности, приведшей к гибели миллионов русских людей<sup>30</sup>. Ну, по этому принципу можно строить сравнительные ряды всех наших правителей, ведь Суворовых и Кутузовых среди них никогда не было. Можно говорить о сходстве российских правителей, уверенных в своей полной непогрешимости и способности делать все что угодно<sup>31</sup>. В этом смысле Сталин не уступает, например, Николаю I, который был уверен, что может проектировать суда и здания. Монарха не смущало, что построенные по его проектам сооружения разрушались, протрезвило только позорное поражение России в Крымской войне<sup>32</sup>.

Нет, конечно, это интересно — сравнить Сталина, например, с флорентийцем Козимо Медичи или с Мартином Лютером. Ну а с Гитлером его к нашему дню не сравнивал только ленивый... Но что это дает для понимания образа вождя? Что дает таблица, демонстрирующая, что Сталин пробыл у власти гораздо дольше, чем Гитлер, Черчилль и Рузвельт?

Мы-то знаем, что особенность политического устройства России такова, что правители в ней сидят до своей естественной кончины, если они не попадут под колеса Смуты, как тот же Николай II, или если не будут демонстрировать совсем уже явную неспособность вести последовательную политику, как Н. С. Хрущев или жертвы дворцовых переворотов, вроде Петра III. Кстати, можно поспорить и с тем, что одним из «вечных паттернов» русской истории является кризис, возникающий после смерти могущественного правителя<sup>33</sup>. Кризис обычно связан не со смертью правителя как таковой, а с тем, что в условиях отсутствия не то что демократии, а даже «правового абсолютизма» встает проблема наследования власти. Спорно и сравнение с Генри Фордом<sup>34</sup>, который также страдал, например, антисемитизмом, но не был адептом насилия.

Малопродуктивно и сравнение двух стран: России и Америки. Полагаю, что здесь нам, историкам, надо быть крайне осторожными<sup>35</sup>. Да, они усваивали евро-

---

Сталин и академик Марр. О языковедческих дискуссиях 1950 года и о проблемах, с нею связанных. М., 2012.

<sup>28</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 24.

<sup>29</sup> Ibid. P. 181–183.

<sup>30</sup> Ibid. P. 178. Note 6.

<sup>31</sup> Ibid. P. 68.

<sup>32</sup> Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 247–302 (первое издание: Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия. Л., 1925).

<sup>33</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 4.

<sup>34</sup> Ibid. P. 22.

<sup>35</sup> Может быть, более убедительно сравнение США и России в области культуры, но эти элементы, будучи вырванными из политического и социального контекста, мало что дают для пони-

пейское наследие, но усвоение это было разным. США, развив европейские демократические принципы, стали ярчайшим воплощением политической демократии, естественно, со всеми ее плюсами и минусами. Россия, идя своим путем, все больше и больше централизуя власть, создала одну из самых автократических стран в мировой истории, где политические свободы отсутствуют, так сказать, по определению. Собственно, сам автор это прекрасно понимает, ведь он пишет о «централизации власти в лице одного лидера-мужчины»<sup>36</sup>. Этот феномен Б. С. Илизаров удачно определил как «человек-государство», имея в виду Сталина<sup>37</sup>.

Столь же осторожно надо подходить и к сравнению рабства, которое Кертис рисует уж слишком широкими мазками: от варягов до «великих реформ» XIX в. Не соглашусь с тем, что американское рабство предшествовало советскому рабству<sup>38</sup>. Можно, конечно, в этом ключе писать о неволе афроамериканцев и «депортациях» индейцев. У нас ситуация всегда была сложнее: было, так сказать, «чистое» (pure) рабство и крепостничество, которое пронизывало все общество сверху донизу. Историк, правда, чаще сравнивает СССР, собственно, не с США, а с Конфедеративными Штатами Америки — в общем-то, малоизвестным у нас государством<sup>39</sup>. Это сравнение меня также не убедило...

Уж, казалось бы, сам бог велел сравнить наш «фронт» с американским, наше покорение Сибири с покорением Америки. Этому аспекту посвящена, например, книга моего молодого коллеги Ю. Г. Акимова «Северная Америка и Сибирь в конце XVI — XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизации». Хорошая книга, содержательная<sup>40</sup>, но понял я из нее только то, что Сибирь — это Сибирь, а США — это США и вовек им не сойтись... По колоритности это покорение, может быть, и похоже (чем наш казак хуже американского ковбоя?), но по сути очень мало общего между процессами. Кстати, Кертис готов сравнить Россию не только с Америкой, но и с Японией: Киото с Санкт-Петербургом, модернизацию, вестернизацию, отмену крепостничества (почему-то назван 1863 г.) с коллапсом сегуната Токугавы; и даже сравнивает ленивые, но тянущиеся к искусству элиты этих стран.

Сам исследователь нашел большие отличия между двумя странами по уровню грамотности в 1900 г.<sup>41</sup> Это, конечно, важный момент: в США писали и читали, а в России больше любили слушать. Трудно не согласиться с другим историком Яном Плампером в том, что большинство советских людей только видели Сталина (до-

---

мания сходства двух стран. Ср.: Ibid. P. 201–202. Какой вывод можно сделать из того, что и американские, и советские деятели искусства отрицательно относились к современному искусству, а не к ночи будь помянутый Тихон Хренников высоко ценил «ностальгическую песню ковбоя», то есть музыку Аарона Копленда?

<sup>36</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 21. — Кстати, если бы не указ Павла I о престолонаследии, то дамы по-прежнему прикладывали бы руку к нашей вялотекущей «централизации». А так, действительно, за весь советский период, кроме министра культуры Е. А. Фурцевой, трудно вспомнить женщин во властных структурах.

<sup>37</sup> Илизаров Б. С. Иосиф Сталин в личинах и масках... С. 363.

<sup>38</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 12, 13, 27.

<sup>39</sup> Davis W. C. Look Away! A History of the Confederate States of America. New York, 2003. — Государство это существовало гораздо меньше времени, чем СССР (1861–1865 гг.), президентом был Джефферсон Дэвис. Оно было поглощено США.

<sup>40</sup> Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизации. СПб., 2010.

<sup>41</sup> Там же. С. 29 и след.



бавим, что и видели-то очень редко), что также способствовало формированию культа его личности<sup>42</sup>. Но и это не главное — в России власть мистифицируется, подвергается сакрализации во все времена.

Я полностью согласен с тем, что в нашей традиции нет такой величественной фигуры, как Сэквэн Беркович с его знаменитой «The American Jeremiad». Но возможно ли тут вообще сравнение, ведь этот знаменитый канадец, трудившийся в основном в США, изучал пуританскую идеологию, не присущую СССР. Кертис, кстати говоря, то одаряет нас протестантизмом, то отказывается видеть в нашей истории даже его следы<sup>43</sup>, то вдруг В. И. Ленин оказывается под его пером представителем неопротестантизма<sup>44</sup>.

Лично я уверен в том, что ни трудоволизм красного диктатора, ни то, что он внедрил в наше общество провокационный принцип «Кто не работает, тот не ест», еще не свидетельствуют о том, что он мог послужить объектом изучения для Макса Вебера с его протестантской этикой и духом капитализма. В другом месте Кертис сравнивает с протестантами Новой Англии всех большевиков<sup>45</sup>. Чем дальше, тем больше сравнение начинает хромать, особенно когда дело доходит до сравнения нашего злополучного «иудушки Троцкого» с вполне почтенным Роджером Уильямсом — представителем, как известно, не XX, а не менее мятежного XVII столетия.

Кертис почему-то забывает о нашем старообрядчестве, в рамках которого и принято говорить об элементах протестантизма в российской истории. Именно в рамках раскола и возникает у нас большинство сект, которые на нашей почве и слыхом не слыхивали ни про какую протестантскую этику. Впрочем, не будем слишком строги к американскому ученому, поскольку сами мы еще очень плохо разобрались в роли раскола в российской истории. Здесь мысль наших историков движется от полного забвения до явного преувеличения этой роли, вплоть до объяснения расколом и самого феномена Сталина<sup>46</sup>. В любом случае ясно, что появление многочисленных сект после 1917 г.<sup>47</sup> обусловлено отнюдь не утверждением протестантской идеологии, а кризисом официальной церкви, с одной стороны, и преследованием ее со стороны большевиков — с другой.

Вот тут самое время отметить, что Кертис также кладет в основу своего анализа сталинизма религиозный момент. Как уже было отмечено, прекрасное знание российской культуры позволяет ему рассматривать эту тему с разных сторон. Иной раз это происходит так издалека, что я, грешным делом, не могу докопаться до сути. Когда он пишет о страстотерпцах в русской истории, то это весьма уместно<sup>48</sup>. Многие жертвы сталинизма ощущали себя таковыми. Но, скажу честно, я не понял, зачем автор привлек блестящую работу В. Я. Проппа о волшебной сказке: то ли для

---

<sup>42</sup> *Plamper Y. The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power (Yale-Hoover Series on Authoritarian Regimes). New Haven; London, 2012. P. XIV.*

<sup>43</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. XII.*

<sup>44</sup> *Ibid. P. 135*

<sup>45</sup> *Ibid. P. 204, 205.*

<sup>46</sup> *Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М., 2015.*

<sup>47</sup> *Lynn V. Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History. 1990. No. 62. December. P. 754.*

<sup>48</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 36–39.* — Хотя, говоря о письменных и устных формах общения в русском обществе, надо иметь в виду, что общество времен Киевской Руси было гораздо более грамотным, чем во времена Московского царства.

того, чтобы уподобить функционирование сталинской системы этой самой сказке, то ли вспомнить о том, что Сталин назвал голодомор сказкой<sup>49</sup>. К сожалению, в нашей истории надо постоянно различать волшебную сказку и циничное отношение власти к народу в духе: «Лес рубят — щепки летят».

Главный образ для Кертиса в трактовке сталинизма — образ *монастыря, монастырских стен*. Этот образ самый стойкий в тексте и самый непонятный. Мало что объясняет тот факт, что для ГУЛАГа использовали бывшие монастыри — это было просто удобно. Вообще, у Кертиса много образности: я уже не раз писал, что он идет к познанию истории России от ее литературы. Иногда эти образы эксплицитны, порой имплицитны, а порой и просто спорны, как, например, образ окна, которое Петр прорубил в Европу<sup>50</sup>. Кертис не знает, что образ этот первым предложил не А. С. Пушкин, а итальянский путешественник Франческо Альгаротти, соответственно, он явно несет на себе итальянскую коннотацию. В оригинале речь шла не просто об окне, а об огромном окне, «окнище» в духе итальянских диорамных окон, которые никак не ассоциируются с монастырскими «бойницами»<sup>51</sup>.

В свете своей главной концепции историк много усилий тратит на то, чтобы установить связь Сталина с религией, возникшей в период его бурсачества, а потом показать, что именно из этой части сталинского подсознания или его культурного этоса надо трактовать отношения «вождя народов» к этим самым народам. Это отношение вполне напоминает отношение Иеговы к народу Израиля, и чтобы понять феномен сталинизма, надо читать не произведения Маркса и Энгельса, а Ветхий Завет<sup>52</sup>. На этой почве можно рефлексировать до бесконечности. Я вот, помню, никак не мог выполнить домашнее задание в школе и запомнить «Моральный кодекс строителя коммунизма», но вдруг осознал, что весь он состоит из библейских заповедей. Конечно же, Сталин помнил впечатления и знания, полученные в детстве<sup>53</sup>, но о чем это может свидетельствовать? Мой дедушка — уже упоминавшийся коммунист и атеист — тоже в детстве посещал церковно-приходскую школу и с удовольствием цитировал Ветхий и Новый Заветы, возбуждая у окружающих самые разные чувства.

Надо признать, что религия в России всегда имела подсобное значение, была служанкой государственной власти. Во времена советской ее ипостаси официальной религией стала вера в некий коммунизм, вполне заместивший в сознании большинства советских людей Царство Божие на земле. В ходе очередной российской Смуты 1990-х гг. снова вернулось православие и стало государственной религией. Что там впереди, нам знать не дано. Можно, конечно, и пытки в застенках НКВД как-то выводить из церковных паттернов<sup>54</sup>. Можно уподоблять весь СССР замкнутому монастырскому пространству, порожденному воображением Сталина<sup>55</sup>, но это, скорее, из разряда паранойи вождя, а не ментальных связей с Нилом Сорским и Иосифом Волоцким. Слова Осипа Мандельштама, который сравнивал

<sup>49</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 40.

<sup>50</sup> Ibid. P. 4.

<sup>51</sup> Альгаротти Ф. Путешествие в Россию. СПб., 2014. С. 49.

<sup>52</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 78–79.

<sup>53</sup> Илизаров Б. С. Иосиф Сталин в личинах и масках... С. 468.

<sup>54</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 80. — Именно через такие испытания прошел друг моего дедушки (Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. М., 2018. С. 113–114).

<sup>55</sup> Curtis J. Stalin's Soviet Monastery. P. 81.

всю страну с монастырем, — яркие и убедительные, но не более чем слова тех, кто сравнивал ее с одной большой зоной за колючей проволокой.

По замыслу автора, приравнять отношения русских между собой к монастырским порядкам призваны и наблюдения над их дружбой, упоминая дружбу Ленина с Плехановым. Автор утверждает, что только в России возможны такие отношения между мужчинами, приводя примеры и из «Братьев Карамазовых»<sup>56</sup>. И хотя отношения Алеши и Зосимы в этом романе вряд ли были дружбой в нашем понимании, мы могли бы намного увеличить примеры трогательной дружбы россиян разных времен между собой, причем разного пола и возраста (это действительно какая-то особенность нашего менталитета), но при чем тут Сталин? Вряд ли такие особенности нашей русской психологии, как тяга к дружбе и платоническая любовь, могут определять любовь к вождю, выстраивая его отношения с народом. Сам же автор со ссылкой на «Войну и мир» Толстого и на другие источники пишет об особой любви именно к государю. Это «святая» любовь.

Кертис вспоминает и другие литературные произведения, с тем чтобы представить отношения между россиянами в виде «старший — новообращенный», «настоятель — монах» и т. д. Это такие яркие и интересные сочинения и, соответственно, герои, как Алеша и Зосима из «Братьев Карамазовых», Павка Корчагин и его жена, действующие лица «Молодой гвардии» А. Фадеева, от которых Кертис вновь возвращается к Достоевскому<sup>57</sup>. Впрочем, он и сам признает, что все параллели тут спорны.

Я, конечно, не литературовед, но некоторые трактовки меня удивляют. Например, не могу согласиться с утверждением, что характер славных произведений Н. В. Гоголя «Ревизор» и «Мертвые души» определяется особенностями их автора — «украинского гомосексуалиста в Санкт-Петербурге»<sup>58</sup>. Во-первых, он не украинский, а российский писатель, ну или наш общий, а во-вторых, уверен, что не эти его личные особенности (я лично в них сомневаюсь) определили его подход, а глубочайшее понимание самой сути нашего уникального российского государственно-крепостнического строя<sup>59</sup>.

Гораздо убедительнее мысль о том, что Сталин был великий актер. И здесь давнее, но удивительное открытие Н. Н. Евреинова в области театрального дела, известное как монодрама, вполне убеждает: Сталин, как никто другой, имел именно такое представление о мире — это была его собственная монодрама.

Значительный упор Кертис делает на появление российской власти как бы со стороны, также чувствуя тут религиозные аллюзии. Явление, подобно Христу, власти народу. Наверное, что-то такое в нашей истории есть, но скорее по отношению к более раннему времени (варяги, монголы, великие князья литовские). Ленин хоть и прибыл в свое время из Германии в опломбированном вагоне, но сформировался в России, как, впрочем, и Сталин, и др.

Многие сюжеты этой высокоинтеллектуальной книги очень интересны с точки зрения литературоведения. Автор соотносит образы Сталина и Мандельштама,

---

<sup>56</sup> Ibid. P. 118.

<sup>57</sup> Ibid. P. 174–178.

<sup>58</sup> Ibid. P. 183.

<sup>59</sup> Об этом блестяще писал мой старший, уже ушедший из жизни, товарищ по научному цеху Д. Н. Альшиц (*Альшиц Д. Н. Гоголь — наш современник*. СПб., 2010).

рассматривает *mystification*, которая сопровождала сталинскую эпоху — все эти легенды о Стаханове, Павлике Морозове, да мало ли их было! Все затрагиваемые сюжеты весьма интересны, позволяют много понять в эпохе, но вряд ли в самом «кормчем». С авторскими трактовками можно спорить, как, например, с утверждением о том, что стахановцы — представители протестантской этики в СССР<sup>60</sup>. Мысль о возникновении при Ленине и Сталине какого-то «неофеодального государства» выглядит неубедительно.

Отдельную главу Кертис посвятил теме «Сталин и Достоевский». Если Илизаров установил, что генсек читал Достоевского, а Милован Джилас в своих знаменитых «Беседах со Сталиным» приводит воспоминание о том, что Сталин ссылался на великого писателя<sup>61</sup>, то Дж. Кертис считает, что в XXI столетии понять одного без другого нельзя<sup>62</sup>. Параллели со Сталиным Кертис старается обнаружить в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых». Кертис действительно идет дальше всех и выстраивает какие-то слишком сложные картины сталинского этоса: что-то брал у Зосимы, что-то у Смердякова и... получился Коба<sup>63</sup>. В словах отца Зосимы о смирении он без сомнения видит рациональную основу ГУЛАГа: получается, что Сталин осчастливливал людей, отправляя их туда<sup>64</sup>. Ну хоть соглашается с тем, что познание Сталиным творчества писателя предшествовало созданию ГУЛАГа, а не наоборот. Что касается советской правовой системы, то истоки ее уходят не к Достоевскому, а к Ивану Грозному, который так напутствовал своих представителей, отправляя их на территорию земщины: «Судите праведно, наши виноваты не были бы»<sup>65</sup>. Правда, при Сталине понять, кто они «наши» — было труднее, чем при Грозном.

Кажется, что рефлексировать на эту тему, строить более или менее убедительные концепции, можно до бесконечности. Как уже не раз отмечалось, глубокое знание нашей литературной традиции позволяет Кертису сделать много интересных выводов. Все их и не упомянуть в рецензии. Замечаний у меня немного, и связаны они с тонкостями восприятия русского языка, особенно в фамилиях и названиях. Смею утверждать, что А. А. Блок в своих знаменитых стихах «На поле Куликовом» под Русью («О, Русь моя! Жена моя!») подразумевал не «Киевскую империю», а гораздо более широкое понятие. Фамилия реального героя романа «Молодая гвардия» — Лютиков — происходит не от слова «лютый», т. е. свирепый, а от полевого цветка. Челябинск — город не в Центральной России, а на Урале. И я совсем не понял, кто такая Алана Бабаева<sup>66</sup>. Больше не буду придираться, в конце концов, все это мелочи.

Но повисает главный вопрос, насколько же ответственны за свои культы сами Ленин и Сталин? Да ведь и культы присутствуют у нас постоянно. Мои прадеды, с которыми я много общался, хорошо помнили культ царей (видели даже Алек-

<sup>60</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery*. P. 99.

<sup>61</sup> *Milovan D. Conversations with Stalin*. New York, 1962. P. 110.

<sup>62</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery*. P. 153.

<sup>63</sup> *Ibid.* P. 171.

<sup>64</sup> *Ibid.* P. 160–161.

<sup>65</sup> *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного // Гейденштейн Р., Шлихтинг А., Штаден Г. Записки о Московской войне. Новое известие о России времени Ивана Грозного. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 459.

<sup>66</sup> *Curtis J. Stalin's Soviet Monastery*. P. 53, 176, 214, 240.

сандра III), а сам я в XX в. жил при культе Брежнева, который, к счастью, был не так кровав, как сталинский, но по духу, может, еще противнее. Неужели отличия в культурах определяются тем, что один любил монастицизм, по определению Кертиса, а другой — женщин и иностранные машины?

Есть такая поговорка: «Короля делает свита». А в России царя делает не столько свита, сколько место. Многие из монархов были людьми достаточно ограниченными, звезд с неба не хватало, но, оказавшись на этом самом месте, преображались. Наша современная история началась в XVI в. и с той поры так и идет по пути все большей и большей централизации, концентрации власти в одних руках. Процесс этот перемежается Смутами, на смену которым приходят своего рода «революции сверху». Перефразируя слова М. Я. Гефтера о том, что «Сталин умер вчера», можно сказать: «Сталин не умирал вовсе, да и не рождался, а был тут всегда». Культ личности, как возник у нас во времена Ивана Грозного, так никогда и не исчезал.

Можно сказать, что после 1917 г. власть оказалась еще более заинтересована в таких культурах, поскольку ни генеалогической (Рюриковичи, Романовы), ни церковной поддержки у нее не было. Человек, оказывавшийся в эпицентре этой дикой, ненормальной по своей сути власти, фактически лишался своих человеческих начал, индивидуальных качеств. Его образ до крайности мифологизировался, и понять, как на ход исторических событий влияет его личность, а как — сам расклад внутренних и внешних факторов, не может никто. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду о наших вождях. Во всяком случае, говоря о Сталине, необходимо учитывать множество обстоятельств. Ведь приложением к культу была своего рода «революция сверху», а таких революций в нашей истории было меньше даже, чем Смут. Революция привела к модернизации страны<sup>67</sup>, которая позволила не только победить фашизм, но и продержаться до новой Смуты.

## References

- Akimov Iu. G. *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI — XVIII v. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2010, 372 p. (In Russian)
- Al'shits D. N. *Gogol' — nash sovremennik*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, 218 p. (In Russian)
- Algarotti F. *Viaggi di Russia*. Parma, Guanda, 1991, 202 p. Rus. ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, 398 p. (In Russian)
- Bol'shakova O. V. *Vlast' i politika v Rossii XIX — nachala XX veka. Amerikanskaia istoriografiia*. Moscow, Nauka Publ., 2008, 263 p. (In Russian)
- Bolkhovitinov N. N. *Russkie uchenye-emigranty (G. V. Vernadskii, M. M. Karpovich, M. T. Florinskii) i stanovlenie rusistiki v SShA*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 142 p. (In Russian)
- Curtis J. *Stalin's Soviet Monastery. A New Interpretation of Russian Politics*. New York, Peter Lang, 2020, 250 p.
- Davis W. C. *Look Away! A History of the Confederate States of America*. New York, The Free Press, 2003, 496 p.
- Dvornichenko A. Yu. Old Russian Politogenesis in German Historiography. *Bylye gody*, 2014, vol. 34, issue 4, pp. 487–497. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Proshchanie s revoliutsiei*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian)

---

<sup>67</sup> О том, что это была модернизация, пишет и такой ее знаток, как Б. Н. Миронов. См.: Миронов Б. Н. Циклические концепции истории России в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 130–158.

- Dvornichenko A. Yu. *Russkii istorik G. V. Vernadsky. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii*. St. Petersburg, EVRAZIIA Publ., 2017, 724 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 636–647.
- Geidenshtein R., Shlikhting A., Shtaden G. *Zapiski o Moskovskoi voine (1578–1582). Novee izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. O Moskve Ivana Groznogo*. Riazan', Aleksandriia Publ., 2005, 606 p. (In Russian)
- Hamburg G. M. Vspominaia Natal'iu Pirumovu: o tom, kak pisalas' istoriia v stalinskuiu i poststalinskuiu epokhu. *Rossika i rusistika noveishego vremeni*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2010, pp. 257–278. (In Russian)
- Hamburg G. Remembering Natal'ia Pirumova: On Writing History in the Stalin and Post-Stalin Eras. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2000, vol. 1, no. 3, pp. 507–530.
- Igritskii Iu. I. Eshche raz po povodu "sotsial'noi istorii" i "revizionizma" v izuchenii stalinskoi Rossii. *Otechestvennaia istoriia*, 1999, no. 3, pp. 121–125. (In Russian)
- Iliarov B. S. *Iosif Stalin v lichinakh i maskakh cheloveka, vozhdia, uchenogo*. Moscow, AST Publ., 2015, 735 p. (In Russian)
- Iliarov B. S. *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr. O iazykovedcheskikh diskussiiakh 1950 goda i o problemakh, s neiu sviazannykh*. Moscow, Veche Publ., 2012, 431 p. (In Russian)
- Iliarov B. S. *Tainaia zhizn' Stalina. Po materialam ego biblioteki i arkhiva. K istoriosofii stalinizma*. Moscow, Veche Publ., 2002, 479 p. (In Russian)
- Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1980. Rus. ed. Moscow, Ves' mir Publ., 2024, 360 p. (In Russian)
- Khlevniuk O. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia: Biografiia*. Moscow, AST, CORPUS Publ., 2015, 464 p. (In Russian)
- Konkvest R. Bol'shoi terror. *Neva*, 1990, no. 12, pp. 114–141. (In Russian)
- Krymskaia A. S. Amerikanskie stazhery v SSSR. *Rossika i rusistika noveishego vremeni*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2010, pp. 113–119. (In Russian)
- Lynn V. Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside. *Journal of Modern History*, 1990, vol. 62, pp. 747–770.
- Milovan D. *Conversations with Stalin*. New York, Harcourt, Brace and World, Inc., 1962, 228 p.
- Mironov B. N. Tsiklicheskie kontseptsii istorii Rossii v sovremennoi istoriografii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 130–158. (In Russian)
- P. A. Zaionchkovskii (1904–1983): *stat'i, publikatsii i vospominaniia o nem*. Moscow, ROSSPEN, 1998, 463 p. (In Russian)
- Paips R. *Ia zhil. Memuary neprimknuvshego*. Moscow, Moskovskaia Shkola Politicheskikh Issledovaniia Press, 2005, 408 p. (In Russian)
- Pavlova I. V. Sovremennye zapadnye istoriki o stalinskoi Rossii 30-kh godov (Kritika "revizionistskogo" podkhoda). *Otechestvennaia istoriia*, 1998, no. 5, pp. 107–121. (In Russian)
- Plamper Y. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power (Yale-Hoover Series on Authoritarian Regimes)*. New Haven, London, Yale University Press, 2012, 352 p.
- Presniakov A. E. Nikolai I. Apogei samoderzhavii. *Presniakov A. E. Rossiiskie samoderzhitsy*. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 247–302. (In Russian)
- Pyzhikov A. V. *Korni stalinskogo bol'shevizma*. Moscow, Argumenty nedeli Publ., 2015, 490 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 5 мая 2023 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2023 г.

Received: May 5, 2023

Accepted: October 20, 2023